

In the main section of the article discloses the West European thought of the composer, based, became more universal European «constants», and principles, and how they are represented in his oratorio «Paradise Lost». In this regard, there are Parallels with classic oratorios (G. Handel), its successors (Haydn), and contemporaries A. Rubinstein (F. Mendelssohn, F. Liszt, R. Schumann).

So, G. Handel composer associated primarily dramatic principles, with F. Mendelssohn A. Rubinstein brings structural-style solution and F. Liszt leitmotif system that indirectly represented in the first oratorio A. Rubinstein's «Paradise Lost». In the conclusions of the article are given a list of the immanent properties (stable components) oratorios, which are found in the oratorio «Paradise Lost» by A. Rubinstein

Keywords: oratorio, oratorical, A. Rubinstein, the Western European music, architectonics, continuity, ontological hierarchy of genres of communication.

Ирина Куркова

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ ТВОРЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЕРГЕЯ РАХМАНИНОВА И ВЛАДИМИРА ГОРОВИЦА

Общение Сергея Рахманинова и Владимира Горовица было очень плодотворным и повлекло за собой их взаимное художественное обогащение. Особенно важно то, что их дружба послужила мощному всестороннему развитию пианиста, одним из результатов которого явилась яркая интерпретация Горовицем рахманиновских произведений¹. В данном контексте мы выделяем теорию *коммуникации* как важный инструмент в детальном изучении заявленной проблемы.

Коммуникация – это некое смысловое значение общения, она отражает непосредственно процесс обмена информацией [9]. Нам думается, что теория коммуникации необходима для полноценного понимания творческих взаимоотношений Сергея Рахманинова и Владимира Горовица, ведь анализ коммуникативных проблем музыкантов как социокультурное явление способствует более глубокому пониманию личности творца и его художественного творения, актуализации личностной значимости для культурного достояния общества, что, в нашем случае, позволяет с разных сторон изучить творческую дружбу Сергея Рахманинова и Владимира Горовица.

---

¹ Множество подтверждений этому можно отыскать в работах С. Тышко и Ю. Зильбермана, Д. Дюбаля, Г. Пласкина и Г. Шонберга [6; 7; 8; 16; 17; 18].

Поэтому *цель* статьи – рассмотреть творческую дружбу Сергея Рахманинова и Владимира Горовица в контексте теории коммуникации и проанализировать коммуникативные проблемы в общении музыкантов как социокультурное явление.

По мнению современного исследователя М. Мескона: «...*Коммуникацию* можно считать необходимым и всеобщим условием жизнедеятельности человека и одной из фундаментальных основ существования общества. История общественной мысли свидетельствует, что философы и социологи, политологи и культурологи, психологи и педагоги, лингвисты и журналисты всегда, в той или иной мере, обращались к проблемам человеческого общения» [10, с. 36]. Эта мысль также указывает на необходимость обращения в нашей статье к понятию коммуникации для лучшего понимания творческих взаимоотношений Рахманинова и Горовица.

В современном музыковедении существует множество работ, посвященных Рахманинову и Горовицу. Это малоизвестные англоязычные монографии Д. Дюбала [16], Г. Пласкина [17], Г. Шонберга [18], а также публикации Ю. Зильбермана и С. Тышко [7; 8], на которые мы опираемся. Прежде всего, это статья «Владимир Горовиц: от Чайковского к Рахманинову. Пять комментариев к малоизвестному письму Рахманинова Горовицу» [8]. При этом следует отметить, что практически никто из исследователей не рассматривает личное общение Рахманинова и Горовица с точки зрения теории коммуникации, что и обуславливает *актуальность* данной публикации.

Творческий человек, обладающий обостренными чувствами – справедливости, совести, нравственности – часто сталкивается в социальной жизни с внутренней и внешней борьбой за самоопределение. Кажется, что *личность* со схожим дарованием либо внутренним креативным увлечением сможет лучше понять особенности другого человека. Но реальность иллюстрирует иные факты.

Проблемы в коммуникации творческих людей существовали во все времена, и современные ученые пытаются найти первоисточники этих трудностей, а также возможные решения психологических проблем. Так, исследователи выявляют ряд особенностей, характерных для людей с повышенной креативностью¹. Среди множества позиций мы акцентируем внимание на следующих, наиболее актуальных в данном контексте, а именно: богатство внутреннего мира, впечатлительность, уязвимость, излишняя требовательность, использование нестандартных средств общения, стремление

---

¹ Мы опирались, в первую очередь, на следующие работы: [2; 5; 9].

оказать коммуникативное влияние, импульсивность, взыскательность и критичность, постоянная готовность к восприятию впечатлений; образное и эмоциональное восприятие реальности, погруженность в свой внутренний мир, гибкость мышления, легкость генерирования идей и многое другое.

Творческое общение Рахманинова и Горовица (помимо бытового) было довольно частым и активным, особенно после укрепления доверительности их дружбы (это временной промежуток приблизительно после первого периода молчания Горовица, 30-е годы XX века). В данной статье мы анализируем наиболее показательные, на наш взгляд, ситуации из личного общения двух музыкантов, которые, с точки зрения теории коммуникации, ярко отражают обозначенные свойства в общении творческих личностей, и, впоследствии, раскрываются скрытыми смыслами и подтекстами.

Эпистолярное наследие композитора, а также монографические исследования, посвященные Рахманинову и Горовицу, содержат массу примеров их тесного разнопланового общения, подтверждая частую взаимную коммуникацию. Мы решили обратить внимание на несколько фактов совместного музицирования Сергея Васильевича и Владимира Самойловича, ведь музицирование – это не просто совместная игра, ее сравнивают с культурной беседой, в которой участники имеют возможность не только высказываться самостоятельно, но и быть *услышанными*. Поэтому главным параметром процесса музицирования является взаимодействие – как собственно музыкальное, так и духовное, без главенства и лидерства, лишь полное равноправие всех его участников.

Начнем со встречи, которая произошла непосредственно после первого знакомства Рахманинова и Горовица в 1928 году, о которой подробно написано в уже упомянутой нами статье Сергея Тышко и Юрия Зильбермана [8]. Как указывает один из биографов Горовица, Александр Грейнер, импресарио фирмы «Стейнвей», организовал встречу в доме Рахманинова, на которой, помимо обычного общения (а именно тогда, по сведениям монографиста, Рахманинов по отечески предупреждал Горовица о сложностях, которые, возможно, возникнут у пианиста при исполнении его Третьего концерта), Сергей Васильевич и Владимир Горовиц также играли на рояле, а позже и сам Рахманинов исполнил для пианиста сочинения Метнера из сборника «Волшебные сказки». «В тот момент, – предполагает автор, – Горовицу показалось, что он и композитор знали друг друга вечно. Однако, во взаимоотношениях, возникших между ними в последующие годы, были элементы наставника и ученика. Рахманинов был старше Горовица и смотрел на него скорее как на

школьника – талантливого, но очень молодого» [17, р. 115].

Безусловно, человеческие отношения, по аналогии с живым организмом, проходят несколько стадий развития. И после зарождения, идет стадия роста, когда люди узнают друг друга, начинают доверять, либо наоборот, разочаровываются друг в друге. В нашей ситуации несколько иные первоначальные условия – Горовиц еще до встречи с Рахманиновым боготворил и любил его. Сергей Васильевич был не просто любимым композитором и кумиром, он находился на личном пьедестале обожания пианиста¹. В силу данных условий, проблема коммуникации творческих личностей на начальном уровне общения заключалась лишь в коротком временном промежутке самого знакомства, ведь, как известно, Рахманинов был замкнутым и скрытым человеком, не привыкшим доверять посторонним людям. Владимир Горовиц своей искренностью и напором сумел преодолеть изначальный дистанционный барьер, и дружба их становилась все крепче и доверительнее.

Мы помним еще из детства известную поговорку, о том, что друг познается в беде. Несчастье – самое сложное время, особенно для непровольного постижения значения близких людей в собственной жизни, некий «экзамен» на преданность.

Так, в жизни у Владимира Самойловича в первый период молчания (1936–1939 г.), когда перенесенная операция повлекла за собой физические осложнения, а непрерывная работа и гастролы – духовные, Рахманинов стал его близким помощником и творческим наставником. Именно по настоянию композитора они продолжили совместно музицировать: «играли в четыре руки всё подряд – от симфонии Гайдна до транскрипций Годовского» [16, р. 150], ведь, по его мнению, эти занятия могли лучше всего другого помочь Горовицу отвлечься от болезни. Также Сергей Васильевич проявлял искренний интерес к самому процессу лечения пианиста, ведь он все это уже переживал, в далеком 1897 году после провала своей Первой симфонии². Более того, Рахманинов даже связывался со своим доктором, который помог ему в свое время победить угнетенность и апатию, дабы проверить целесообразность назначенного пианисту лечения. Продолжая активно заниматься и концертировать (каждый день Рахманинов

---

¹ Подтверждения нашим тезисам находим у многих монографистов Горовица [16; 17; 18].

² Напомним, что это был сложный период в жизни композитора, когда, после премьеры своей 1 симфонии, под руководством А. Глазунова, лавина жесткой агрессивной критики спровоцировала у композитора тяжелую депрессию. Рахманинов около 7 лет не мог полноценно вернуться к композиции и полностью потерял веру в свое творчество.

упражнявся по несколько часов, помимо этого, регулярно давал концерты), композитор искренне надеялся своим примером пробудить в Горовице настоящее желание опять играть, опять вернуться на сцену.

Помимо этого, Рахманинов часто делился своим личным опытом и наблюдениями, которые могли помочь Горовицу в сценической карьере, например, он говорил: «Убедитесь, заполнена ли галерка. На галерке и есть настоящая публика. Когда заполнены ложи – это значит, что эта публика пришла на концерт, поскольку вынуждена так сделать, так как там собирается *Общество!*» [16, р. 107]. Сергей Васильевич советовал Горовицу давать концерты в дневное время, когда энергетический уровень организма человека находится на самом пике, а также подбирать малоизвестный репертуар для выступлений (важно отметить, что Горовиц практически до конца своей творческой карьеры был верен этим наставлениям, подтверждение встречаем в рассказах Д. Дюбала и прочих авторов об особенностях и привычках талантливого пианиста).

Рахманинов делился с Горовицем всем, что знал сам, и этим проявил себя по отношению к нему как настоящий друг-наставник¹. Напомним, что, следуя теории коммуникации, при таком тесном и даже бытовом общении, они обоюдно проявили некоторые свойства, характерные для коммуникации именно творческих личностей, а именно: уникальность внутреннего мира, особую впечатлительность, гибкость мышления, а также легкость генерирования идей.

В статье А. Самойленко встречаем мысль, созвучную данной ситуации: «Музыка является коммуникативным процессом в той степени, в какой она является общением (что, вероятно, распространяется и на другие виды искусства) и подходить к ней как к коммуникации следует со стороны ее понимающих возможностей, то есть со стороны общения, во всяком случае, не забывая об этом последнем и сопоставляя стороны коммуникации и общения в музыкально-творческом процессе» [14, с. 44]. Таким образом, музыкально-творческий процесс Рахманинова и Горовица приобретал ошеломляющий коммуникативный эффект не только на самих

---

¹ В связи с этой мыслью уместно обозначить эволюцию общения Рахманинова и Горовица от «официально-вежливого» до «доверительно-искреннего», и для подтверждения приведем текст одного из летних писем Рахманинова 1942 года к А.В. Грейнеру от 27 июня (г. Беверли-Хиллс): «Это самое блаженное время. Видимся часто с Володечкой...» [13, с. 207]. Называя Горовица *Володечкой*, Рахманинов выражает теплоту и трогательность своего отношения к пианисту, который стал для него настоящим другом и творческим последователем.

музыкантов, но также через исполнительство происходило общение с публикой, что имело очень важное социальное значение.

Позже известный российский библиограф Сергей Бертенсон вспоминал, что Горовиц *часто* приезжал к Рахманинову с нотами, и они играли на двух роялях классику¹. Глен Пласкин особенно тепло описывает последнее лето жизни Рахманинова: «Это были прекрасные моменты, которыми совместно наслаждались и Горовиц, и Рахманинов. Часто, как и прежде в Швейцарии, они играли дуэтом. Для разминки исполняли „Хорошо темперированный клавир” Баха (каждый играл одной рукой), затем продолжали играть сюиты Рахманинова для двух фортепиано» [17, р. 222]. Итогом, даже некоей кульминацией общения Рахманинова и Горовица должен был стать совместный концерт (который так и не состоялся). Музыканты на двух роялях собирались исполнить недавно написанные рахманиновские «Симфонические танцы» в авторском переложении, но смерть композитора не позволила осуществить этот замысел (данный вопрос детально рассмотрен в статье Сергея Тышко и Юрия Зильбермана [8]).

Многочисленные факты совместного музицирования Рахманинова и Горовица неоспоримо подтверждают их духовную и эмоциональную близость, некую общность взглядов, ведь порой найти общий язык в музыкальном дуэте сложнее, чем в вербальной беседе.

В этой ситуации особенно важно обозначить следующие моменты из теории коммуникации, которые относятся к особенностям творческих личностей и ярчайше работают в представленном примере, а это гибкость мышления музыкантов – подразумевая возможность найти консенсус в сферах как творческих, так и бытовых, нестандартный выбор средств общения (в данном случае невербальных), а главное – мы видим проявление подсознательного стремления оказать коммуникативное влияние как на реципиентов общения, так и непосредственно на слушателей, сосредоточенность на акте творческого познания и преобразования действительности и легкость генерирования идей.

Во время проигрывания произведений они не только исполняли музыкальное произведение, но также общались между собой, как мы уже упоминали, на равных, паритетных началах. Казалось, что в музыкальном общении у них нет ни капли конкуренции, возрастных

---

¹ Стоит еще раз обратить внимание на многочисленные истории о совместном музицировании Рахманинова и Горовица. Монографисты всегда утверждали позитивный характер этих встреч, а также успех «звездного дуэта» – часто на подобных вечерах собиралась именитая публика [16; 17].

либо национальных отличий. Именно в этой сфере они высказывались и слушали друг друга всем сердцем, искренне.

Нам думается, собственно, их общение и совместное музицирование помогли Горовицу лучше понять Рахманинова как человека, творца, а также его композиторский замысел грандиозных музыкальных полотен. И как результат – неповторимая интерпретация Горовицем многих произведений композитора, но особенно – это трактовка рахманиновского Третьего концерта: не просто следование авторским указаниям, но и привнесение личностных амбиций Горовица.

Гениальный композитор и великий пианист, преодолев вымышленные либо реальные препятствия на своем пути, как временные, так и пространственные, выходят на новый уровень взаимного общения, обретают дружбу, в которой главенствует уважение и доверие, подтверждение чему мы нашли в упомянутых нами ситуациях.

Заметим: жизненный пример Рахманинова и Горовица доказывает, что для истинной дружбы все перечисленные коммуникативные трудности не преграда. Безусловно, творческие отношения Рахманинова и Горовица сыграли роль мощного толчка для развития Горовица как художника (мы подразумеваем, в первую очередь, влияния на исполнительскую манеру пианиста, возникновение общности взглядов и, в итоге, рождение дружбы). Результатом этой всесторонней коммуникации стала яркая и непосредственная, инновационная трактовка Горовицем многих рахманиновских произведений, в частности – Третьего фортепианного концерта, интерпретация которого стала уникальным и одновременно «эталонным» явлением культуры, впитав в себя гениальность композитора – Сергея Рахманинова и исполнителя – Владимира Горовица.

В завершение будет уместно упомянуть слова Горовица: «Я думаю, что Сергей Васильевич оказал на меня большое положительное влияние. Его фото всегда висит за моей спиной, когда я работаю. Хорошо знать, что он там – на стене. Это предостерегает меня от лени» [16, р. 227]. Напомним, что Рахманинов всегда давал Горовицу важные подсказки и замечания, которые, видимо, пианист запомнил на всю свою жизнь. Но ведь в связи с этим высказыванием вспоминается известная китайская народная мудрость: «Тот, кто хвалит меня – мой враг, потому что непрерывная похвала расслабляет мой ум. Тот, кто ругает меня – мой друг, потому что указывает моему уму на ошибки». Именно такой была настоящая дружба Рахманинова и Горовица.

1. Берегова О. Комунікація в музичному виконавстві як культурологічна проблема / О. Берегова // Науковий вісник Національної музичної академії України ім. П.І. Чайковського: Композитор і сучасність. – К., 2009. – Вип. 84. – С. 209–218.
2. Берегова О. Комунікація в науково-освітньому просторі сучасності: дискурс креативності / О. Берегова // Українське музикознавство. Національна музична академія України ім. П.І. Чайковського: Центр музичної україністики. – К., 2010. – Вип. 36. – С. 242–254.
3. Воспоминания о Рахманинове: в 2-х т. – М. : Музыка, 1988. – Том 1. – 528 с.
4. Воспоминания о Рахманинове: в 2-х т. – М. : Музыка, 1988. – Том 2. – 666 с.
5. Галин А. Л. Психологические особенности творческого поведения / А. Л. Галин. – Новосибирск, 2001. – 218 с.
6. Зильберман Ю. Владимир Горовиц. Киевские годы / Ю. Зильберман. – К., 2005. – 187 с.
7. Зильберман Ю., Тьшико С. Владимир Горовиц на родине и в эмиграции. Биографическая реальность – искаженная и восстановленная. (Работа над ошибками) / Ю. Зильберман, С. Тьшико // Київське музикознавство. Культурологія та мистецтвознавство. – К. : НМАУ ім. П. І. Чайковського, ім. Р. М. Глієра, 2007. – Вип. 25. – С. 221–237.
8. Зильберман Ю., Тьшико С. Владимир Горовиц: от Чайковского к Рахманинову. Пять комментариев к малоизвестному письму С.В. Рахманинова В.С. Горовицу / Ю. Зильберман, С. Тьшико // Музыкальная академия. – 2007. – № 2. – С. 125–150.
9. Колесник В. Коммуникативные особенности творческих людей / В. Колесник // [Електронний ресурс]. - Режим доступу : <http://kolesnik.ru/2006/talks/>
10. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Майкл Мескон, Майкл Альберт, Франклин Хедоури. – М. : Дело, 2004. – 704 с.
11. Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3-х т. / С.В. Рахманинов. – М. : Советский композитор, 1978. – Т.1. – 648 с.
12. Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3-х т. / С.В. Рахманинов. – М. : Советский композитор, 1980. – Т.2. – 584 с.
13. Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3-х т. / С.В. Рахманинов. – М. : Советский композитор, 1980. – Т.3. – 576 с.
14. Самойленко А.И. Музыка между общением и коммуникацией (нормы и парадоксы музыковедческого поиска смысла) / А. И. Самойленко // Музичне мистецтво і культура. Науковий вісник ОДМА ім. А.В. Нежданової. – Одеса, 2006. – Вип. 7, кн. 2. – С. 39–48.
15. Тьшико С.В. Проблема национального стиля в русской опере. Глинка. Мусоргский. Римский-Корсаков / С.В. Тьшико. – К., 1993. – 120 с.
16. Dubal D. Evenings with Horowitz. A personal portrait / D. Dubal. – New York : Carol Publishing Group Edition, 1994. – 321 p.
17. Plaskin G. Horowitz. A Biography by Vladimir Horowitz / G. Plaskin. – New York, 1983. – 789 p.
18. Shonberg H. Horowitz. His life & music / H. Shonberg. – London : Simon & Shuster Ltd, 1992. – 427 p.

Куркова Ирина. Проблема коммуникации творческих личностей на примере взаимоотношений Сергея Рахманинова и Владимира Горовица. В статье рассматривается творческая дружба Сергея

Рахманинова и Владимира Горовица в контексте теории коммуникации. Произведена попытка проанализировать коммуникативные проблемы в общении музыкантов как социокультурное явление.

Ключевые слова: С. Рахманинов, В. Горовиц, теория коммуникации, творческая дружба, взаимная коммуникация.

Куркова Ирина. Проблема комунікації творчих особистостей на прикладі взаємовідносин Сергія Рахманінова та Володимира Горовиця. У статті розглядається творча дружба Сергія Рахманінова та Володимира Горовиця в контексті теорії комунікації. Створена спроба проаналізувати комунікативні проблеми в спілкуванні музикантів як соціокультурне явище.

Ключові слова: С. Рахманінов, В. Горовиць, теорія комунікації, творча дружба, взаємна комунікація.

Kurkova Irina. Communication problems of creative personalities on the example of the relationship between Sergei Rachmaninoff and Vladimir Horowitz. This article deals with creative friendship between Sergei Rachmaninoff and Vladimir Horowitz in the context of the communication theory. An attempt was made to analyze communication problems in communication of musicians as a sociocultural phenomenon.

The communication between Sergei Rachmaninoff and Vladimir Horowitz was very fruitful and resulted in their mutual artistic enrichment. It is particularly important that their friendship was a help to strong all-round development of the pianist, one result of which was a bright interpretation of Rachmaninov's works by Horowitz. In this context, we emphasize the theory of communication as an important instrument to study in detail the stated problem.

We think that the theory of communication is necessary for a full understanding of the creative relationship between Sergei Rachmaninoff and Vladimir Horowitz, for analysis of communication problems musicians as a sociocultural phenomenon contributes to a better understanding of the personality of the creator and his artistic creation, updating of the personal importance for the cultural heritage of society, which in our case, allows to explore different sides of the creative friendship between Sergei Rachmaninoff and Vladimir Horowitz.

Virtually none of the researchers do not consider the personal communication between Rachmaninoff and Horowitz from the standpoint of the communication theory.

There were communication problems of creative people at all times, and modern scientists are trying to find the original sources of these difficulties and possible solutions of the psychological problems as well. Thus, the researchers identify a number of features specific peculiar to people with high creativity.

Creative communication between Rachmaninoff and Horowitz (besides the domestic one) was quite frequent and active, especially after the strengthening of the confidence of their friendship (this time interval is after the first period of Horowitz' silence, 30 years of the twentieth century). In this article we'll analyze the most revealing, from our point of view, the situation of the personal communication between two musicians who, in terms of communication theory, clearly reflect certain properties in communicating creative individuals, and are subsequently opened by the hidden meanings and subtexts.

Keywords: S. Rachmaninov, V. Horowitz, communication theory, creative friendship, mutual communication.

Анна Герасимова

С. РАХМАНИНОВ В ПОИСКАХ БАЛЕТНОГО СЮЖЕТА: ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ

Эпоха Серебряного века, сложная и многообразная, в то же время едина в своей тотальной очарованности Танцем. Он становится магистральным явлением, определяющим ее облик; превращаясь в одно из лиц многоликой эпохи.

Среди явлений, в той или иной мере соотносящихся с танцевальной стихией, функционирующих в культурной среде этого времени, искусство балета становится одним из наиболее показательных. Парадоксальным образом, наиболее консервативное, самое традиционное из искусств, оказалось весьма чутким к процессам глобальных изменений, диктуемых новой эпохой, превратившись из «выставки хорошеньких ножек», в характерную мету времени, став воистину „шагом Бога”» [Цит. по: 10, с. 9].

Глобальная вовлеченность в процессы возрождения и обновления балетного жанра в той или иной мере коснулась практически всех современников эпохи и, если по легендарному признанию Моцарта, желание писать оперы в его сознании превратилось в идею-фикс, то, нечто подобное Рахманинов мог бы казать о своем желании написать балет. Свидетельством этого становится сама жизнь композитора. Поэтому рассмотрение *процесса поиска* балетного сюжета, а также *формирование замысла* будущего произведения, что привело в итоге к созданию балета «Паганини», стали **целью** данной статьи. А неизученностью данного вопроса в музыковедческой литературе определяется **актуальность** настоящей публикации.

Одним из первых свидетельств соприкосновения композитора с балетным жанром становится создание по поручению П. Чайковского четырехручного клавира «Спящей красавицы», и хотя результат был